

Когда глаза Келя затрепетали, его встретило знакомое ощущение пота, прилипшего к коже. Некоторое время он лежал, дезориентированный, остатки сна все еще хранились в его сознании, как разбросанные кусочки головоломки. Прежде чем он успел во всем этом разобраться, сбоку раздался настойчивый голос матери. – Кель! Тебе снова снятся сны, – воскликнула она, ее голос был пронизан тревогой, и она нежно встряхнула его. Сморгнув остатки сна, Кель выпрямился, сердце его колотилось. Сны преследовали его уже несколько месяцев, каждый из них был более ярким и тревожным, чем предыдущий. – Со мной все в порядке, мама, – ответил Кель хриплым от сна голосом и протер глаза. Но даже произнося эти слова, Кель не мог избавиться от чувства беспокойства, которое грызло его изнутри. Сны казались слишком реальными, слишком яркими, чтобы быть просто плодом его воображения. Взмолвленный взгляд его матери смягчился, ее рука легла ему на плечо в жесте утешения. Он откинул одеяло и свесил ноги с края кровати. – Со мной все в порядке, мама, – повторил он еще раз, выдавив обнадеживающую улыбку. Мать нежно положила ему на плечо успокаивающую руку. – Я попрошу кого-нибудь из слуг приготовить чай, – тихо сказала она, ее голос был полон материнской заботы. – Это поможет успокоить ваш разум. Кель с благодарностью кивнул ей. – Спасибо, мама, – ответил он, и в его голосе слышалась нотка тепла. Бросив последний взгляд, наполненный материнской любовью, она повернулась, чтобы выйти из комнаты, ее шаги были мягкими по полированному деревянному полу. Когда дверь за ней закрылась, Кель снова остался один. Его разум начал переполняться фрагментами его снов. Колоссальная фигура вырисовывалась во тьме, ее форма была скрыта тенями. Это был Титан, постоянно появлявшийся в его снах, его присутствие одновременно внушало трепет и тревожило. А потом были фрагменты. Он видел мужчин и женщин, одетых в одежду другого времени, занятых как обыденными, так и монументальными задачами. Они были его предками, в этом он был уверен, хотя подробности ускользали от него. Некоторые занимались строительством грандиозных сооружений, их руки ловко манипулировали материалами. Другие, похоже, были втянуты в жаркие дебаты или заключали союзы с лицами, которых он не мог понять. Он как будто сквозь туманное окно заглядывал в другой мир. И все же, несмотря на дымку, Кель почувствовал странную связь с этими фигурами. Тяжело вздохнув, Кель отбросил фрагменты своих снов как простые фантазии, плоды чрезмерно активного воображения, подпитываемого рассказами фольклора и легенд Браавоса. Он уже слышал эти истории бесчисленное количество раз — о Титанах, основании Браавоса и древних тайнах, окутывающих город аурой таинственности. Но думать о том, что в этих легендах есть хоть какое-то подобие истины, казалось нелепым, и это мнение больше подходило для страниц детского сборника рассказов, чем для реальности, в которой он жил. Поднявшись с кровати и начав готовиться к предстоящему дню, Кель не мог избавиться от чувства беспокойства, которое задержалось в его голове. В последние недели сны стали более частыми, и с каждой ночью их власть над ним крепчала, словно тиски. И все же, несмотря на свои опасения, он был полон решимости отбросить их. – Я не должен позволять своему воображению разыграться, – пробормотал он про себя, повторяя мантру, как успокаивающий бальзам, чтобы облегчить его беспокойные мысли. Кель приступил к своим утренним делам, отгоняя воспоминания о мечтах в уголки своего разума. Когда он облачился в униформу Академии Морских Лордов, его мысли обратились к словам одного из его учеников, человека со строгим лицом, склонного к логике и разуму. – В стремлении к знаниям нет места суевериям, – часто говорил ученый авторитетным голосом. – Мы должны опираться на факты и доказательства, а не на полет фантазии и дикие домыслы. – Это чувство нашло отклик у Келя, напоминание о том, что в академическом мире нет места сентиментальности или необоснованным убеждениям. Когда Кель вышел из своей комнаты, его встретил вид его доверенного охранника Мелоария, дежурившего у двери. Одетый в простые, но прочные доспехи, стражник был окрашен в цвета Дома Астерион — поразительное сочетание яркого оранжевого и темно-синего, вплетенное в ткань его гербовой накидки. Вместо традиционной стальной брони охранник Келя носил стеганую кожаную куртку, окрашенную в те же цвета, что и символ Дома Астерион. Кивнув в знак подтверждения,

стражник последовал за Каэлем, пока они шли по шумным коридорам поместья Морского Лорда. Пока Кель шел по коридорам поместья Астерион, его мысли блуждали по богатой истории, окутывающей дом предков. Величие поместья с его высокими башенками и изящными арками всегда внушало трепет Келю. Проходя мимо увитых плющом стен и пышных дворов, Кель не мог не восхищаться вечной красотой поместья. А еще были пастбища, простиравшиеся перед ним, словно море зелени. Здесь, среди спокойной сельской местности, Кель нашел утешение в простых удовольствиях природы. Вид пасущегося скота и овец говорил о жизни, прожитой в гармонии с землей. Но не только физическая красота поместья пленила Келя — это было чувство принадлежности, которое пронизывало каждый его уголок. Поместье Астерион располагалось на окраине Браавоса. В отличие от поместий на берегу канала, которые предпочитала элита общества Браавоса, поместье могло похвастаться обширными участками плодородной земли, простиравшимися настолько далеко, насколько мог видеть глаз. В прошлые века поместье было оживленным центром деятельности, на его территории располагалось множество предприятий и предприятий. Поместье часто посещали кузнецы, фермеры, купцы и торговцы. Но, несмотря на свое процветание, поместье Астерионов не обошлось без проблем. Сам успех их бизнеса вызвал зависть и гнев соперничающих фракций в Браавосе, что привело к жесткой конкуренции и ожесточенному соперничеству с торговыми семьями и держателями ключей. Отпор затруднил удержание своей власти на земле, вынудив семью Астерион защищать свою территорию, и теперь они столкнулись с трудностями в сохранении своей земли. Это место было домом Астерионов на протяжении бесчисленных лет, их корни переплелись с самой сутью земли. Когда Кель подошел к столовой, теплый свет утреннего солнечного света залил комнату золотистым оттенком. Перед ним раскинулся длинный деревянный стол, отполированный до блеска, в окружении стульев с высокими спинками, обитых дорогим бархатом. Слуги суетились, расставляя множество соблазнительных блюд — дымящиеся тарелки с кашей, тарелки со свежеспеченным хлебом и кувшины с ароматным чаем. Во главе стола сидели родители Келя, мастер Корфелл и леди Беларисс Астерион, выражения их лиц резко контрастировали с суетливой деятельностью вокруг них. Леди Астерион, женщина грации и уравновешенности, приветствовала Келя теплой улыбкой, когда он приблизился. Ее темные волосы были зачесаны назад в элегантный шиньон, а глаза светились теплотой и добротой. — Мой дорогой, — сказала она мягким голосом. — Я так понимаю, ты уже не беспокоишься о своем сне? Кель кивнул в ответ на улыбку матери, хотя тревога, вызванная сном, все еще сохранялась на краю его сознания. На другом конце стола сидел лорд Астерион, его поведение было суровым и отчужденным. Его черты были точеными и обветренными, а в глазах читалась стальная решимость, не терпящая никакой ерунды. — Кель, — коротко поздоровался он, и в его тоне прозвучала горечь. — Я надеюсь, ты готов сегодня начать обучение в академии? — слова отца Келя пронзили воздух, как нож, напоминание об ожиданиях, которые тяжёлым бременем легли на его плечи. Несмотря на все свои усилия, Кель не мог не чувствовать тяжесть разочарования своего отца, постоянного напоминания о запятнанной репутации семьи. — Да, отец, — ответил Кель с оттенком смирения в голосе. — Я готов. Губы его отца слегка сжались в ответ Келя, его взгляд пронзительно обдумывал слова сына. — Хорошо, — коротко ответил он, его тон не выдавал никаких эмоций. — Я верю, что ты будешь вести себя с достоинством, подобающим члену Дома Астерион. Кель тяжело сглотнул: он слишком хорошо знал последствия дальнейшего запятнания репутации семьи, особенно на фоне их продолжающегося соперничества. — И будем надеяться, — продолжал отец с ноткой предостережения в голосе, — что у нас не повторится случай с верионскими детьми. Упоминание о Веларионах вызвало дрожь по спине Келя, воспоминания об их ожесточенном противостоянии все еще свежи в его памяти. Это был момент юношеской глупости, столкновение эго, переросшее в полноценную ссору. — Я понимаю, отец, — ответил Кель приглушенным голосом. — Я буду проявлять осторожность. Он посмотрел на него на мгновение, прежде чем его взгляд смягчился, когда он повернулся к своей жене Белариссе с вспышкой сожаления в его глазах. — Белариса, моя дорогая, — сказал он ноткой извинения в

голосе, – боюсь, меня диктует долг. Сегодня утром у меня встреча со сборщиками долгов в Железном банке. Выражение лица леди Астерион помрачнело, ее черты выражали смесь разочарования и беспокойства. Она потянулась, чтобы схватить руку мужа, ее прикосновение было нежным, но умоляющим. – Корфелл, ты должен идти? – умоляла она, ее голос был с оттенком печали. – Это не может подождать? У нас почти нет времени, чтобы провести время вместе всей семьей. Выражение лица мастера Астериона стало жестким, а его решимость непоколебимой. – Боюсь, нет, любовь моя, – ответил он твердым тоном. – Моя обязанность как управляющего хранилищем – обеспечить финансовую стабильность банка. Текущие дела нельзя откладывать, против меня выдвинуто гнусное обвинение.

<http://tl.rulate.ru/book/107273/3915839>